

ВЛАДАРГ ДЕЛЬСАТ

ЕЛИОРНАВИЯ
ИЗ КЛАНА СИГУР

Владарг Дельсат

Елиорнавия из клана Сигур

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69981283

SelfPub; 2024

Аннотация

Мир изменился. Теперь люди делятся на сангвиз и хомо. Первые питаются кровью, а вторые отдают ее взамен на защиту и помощь. Елиорнавия – молодая сангвиза. Она принадлежит к знатному клану Сигур и является одной из первых женщин, служащих на Страже хомо. Елиорнавия довольна своей жизнью. До тех пор, пока неожиданное появление посреди леса двух обескровленных девочек не переворачивает ее мир. Теперь у Елики нет выбора: она должна узнать, кто виновен в нападении на детей, и узнать правду о собственном предназначении.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	14
Глава третья	25
Глава четвёртая	36
Глава пятая	46
Глава шестая	57
Глава седьмая	67
Глава восьмая	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Владарг Дельсат

Елиорнавия из клана Сигур

Глава первая

Меня зовут Елика... Нет, полное моё официальное имя, конечно, Елиорнавия из клана Сигур. Мне сто двадцать два стандартных цикла, но, как и каждая сангвиза¹, выгляжу я так, как мне комфортно. В моём случае – это дама лет двадцати двух, по меркам хомо. Не слишком молодо, по-моему, но и не древняя старуха.

Наш клан относится к знати, что естественно, учитывая, что я – сангвиза, но не к высшей, слава Санктусу. Это и хорошо, и плохо. У аристократии ограничений больше, но и возможностей, конечно... С другой стороны, закон един для всех, будь ты хомо² или сангвиз, исключений нет даже для правящего дома. Это очень хорошо, потому что только существование общего закона позволило мне стать той, кем я стала.

Надо, наверное, немного рассказать о себе. Что же, я, как уже сказано было – сангвиза, но своей кормушки не имею,

¹ Образовано от латинского названия крови. Таково в этом мире самоназвание вампиров.

² Название человека, не вампира, чья кровь подходит как источник питания.

поэтому пользуюсь клановой. С момента объяснения всеобщего Договора прошло очень много времени, поэтому мироустройство устоялось. Нам по-прежнему нужна кровь хомо – примерно треть стакана в месяц, поэтому мы уже давно не высасываем её сами. Существует биржа труда, и к нам на работу по сдаче крови может устроиться любой здоровый хомо. Платят им очень немало, поэтому они довольны. Но кормушка – дело недешевое, поэтому обычно этим занимается клан. Старшие следят за Младшими, потому что родителей в понимании хомо у нас нет.

У меня с детства был выбор – остаться в клане и работать там, где скажут, выйти замуж за того, на кого укажут Старшие, или же – выбрать свой путь. Я решила, что могу. Могу стать кем-то большим, чем прислугой, поэтому я получила стандартную сумму денег и пошла по пути мужчины, пытаюсь устроиться самостоятельно в жизни. Если бы у меня не вышло, я могла вернуться в клан, в отличие от мужчины на моём месте, которого в таком случае утилизировали бы. Слабаки кланам не нужны, незачем кормить дармоедов, но я – живородящая самка, поэтому утилизации не подлежу. Это и радует, и оскорбляет. Впрочем, довольно об этом!

Мне повезло. То ли я внешне понравилась Главе, что маловероятно, то ли его сразил мой ум, во что хотелось бы верить, но... Ладно, потешу своё эго. Меня взяли в Стражу. Сначала, конечно, на роль «принеси, подай, иди отсюда

и не мешай», затем на работу по контролю популяции – так называется патрулирование Внешней границы. Что такое эта граница? Воображаемая линия, указывающая на компактное проживание стай морфов – существ, умеющих становиться зверями, при этом они разум обычно не сохраняют. Именно поэтому нужно контролировать, чтобы морфы не покидали мест своего обитания, докучая хомо. Скучная, очень нудная работа, на которой я провела десять циклов.

Затем, меня перевели к хомо. Вот тут стало интереснее, потому что отношусь я теперь к специалистам, привлекаемым только в экстренных случаях – преступления против детей, попытки мятежа, серийные убийства... Ну и так далее. Эта работа намного интереснее, хотя тех, кто покушается на детей, мы отправляем на переработку немедленно. Однако здесь уже приходится расследовать, что намного интереснее тупого патрулирования.

Этим я занимаюсь уже девять циклов, поэтому скоро меня переведут, хоть я и не очень понимаю, куда. Впрочем, какое моё дело? Меня-то абсолютно точно не спросят. Но, в целом, можно сказать, что в жизни я устроилась, несмотря на клановых злопыхателей. Старшие-то поддержат всегда, даже если считают, что я неправа. Но я права! Женщина нужна не только как прислуга, хоть иногда и сложно, ибо коллеги меня воспринимают прежде всего как даму. Сколько шуток на эту тему было – и сказать-то сложно, но я смогла!

Вчера моя Старшая сказала, что гордится мной, отчего я

чуть было не завизжала, как маленькая. Но сдержалась, конечно, мне нельзя уже визжать, я не просто дама, а Охрательница Стражи – среднее звание для женщины, но очень высокое для меня. Ведь я первая, за мной следят многие, поэтому, наверное, коллеги гнобить и не решаются. Возможно, конечно, я их недооцениваю, но служится мне хоть временами и скучно, но вполне спокойно, могло быть и хуже.

И вот сейчас я отдыхаю в собственных покоях в доме клана. Это как раз очень серьёзный показатель и награда от клана – собственные покои. Даже слуга есть из хомо. Для работы с кровью он почему-то не подошёл, а вот как слуга – вполне. Высокий, как для хомо, мускулистый, мой слуга радуется глаз и всегда готов на всё, даже согреть постель, но я пока не настолько оголодала, чтобы спать с едой, хотя вслух этого говорить нельзя – закон един для всех.

Так вот, я отдыхаю после службы, задумчиво глядя сквозь стрельчатое окно. Завтра восходят обе луны, что значит благоприятное время для полётов, и завтра же у меня выходной. С этой работой я так давно не летала, что просто слов нет, однако я важным делом занималась! Очень важным! Поэтому использую свой законный выходной так, как мне нравится.

Ну, а пока я могу потрапезничать, выпить каплей тридцать крови... Могу же я себя побаловать? В конце концов, я почти сутки разбирала тяжбы хомо вместе с их полицией – так у хомо называется Стража, даже успела побывать в роли сле-

дователя, когда казалось, что ребёнок исчез. Мальчик решил отомстить родителям за то, что не получил игрушку, и спрятался. Я его, конечно, легко нашла, но хомо поволновались.

Да, многое было за эти девять, почти десять циклов. Много случалось, многое прошло – и недоверие, и откровенные унижения, хоть и спрятанные вглубь, но... Я справилась. Я просто смогла переступить через обиды, через неверие, через пренебрежительные мины Младших. Вот если бы Старшие так себя вели, я, наверное, сломалась бы, но они в меня верили всегда-всегда... Спасибо им за это!

Включается новинка – визор, у хомо такого нет. Несмотря на то что колдовство может очень немного, всё же совсем недавно учёным клана Гури удалось достичь прорыва и создать этот сложный артефакт, на котором бегут картинки, почти как настоящие. Сейчас время внутриклановых новостей, поэтому артефакт включается автоматически для всех Младших, а я всё ещё считаюсь таковой, ведь Спутника у меня нет. Впрочем, не будем о грустном, работа намного важнее.

Конечно, хотелось бы, чтобы и у меня был Спутник, как у всех Старших, но тогда надо будет выкручиваться, ведь ему нужно внимание, кормление, птенцы, а я постоянно на работе день и ночь, потому что работа у меня такая...

Сегодня ночь двух лун, и небо заполоняют сородичи. Тра-

диционная ночь поднимает в воздух всех сангвиз, свободных от службы и детей. В отличие от морфов, мы разум не теряем, наслаждаясь полётом и общением на равных, ведь сейчас мы все равны. Даже Правители спокойно говорят с нами, если вдруг оказываются поблизости.

– Елика, рад тебя видеть! – слышу я и, извернувшись в воздухе, оказываюсь лицом к лицу с обратившимся ко мне. Лёгок на помине!

– Правитель Лиу? – удивляюсь я. – Рада видеть в добром здравии!

– Ты молодец, девочка, – улыбается он, легко удерживая высоту огромными кожистыми крыльями. – Готовься к сюрпризам!

Совсем, по-моему, по-детски хихикнув, Правитель нашего народа исчезает в небе, а я, легко помахивая крыльями, застываю в воздухе. Сюрпризы могут быть как приятными, так и не очень. Правитель как осчастливит... Впрочем, тут от меня всё равно ничего не зависит, не буду портить себе настроение, хотя кто угодно на моём месте кувыркался бы от счастья – Правитель знает тебя по имени, да ещё и по короткому! Но я не хочу протекций, я сделала себя сама и сама всего добьюсь!

Мы, конечно, не только летаем, но ещё и болтаем... Кстати, о болтовне, я вижу своих подруг – Ликсу и Марту. Странное имя ей дали Старшие, но мы, разумеется, не осуждаем: имя как имя...

– Привет, девочки! – опускаюсь я на сидушку рядом с ними. – Кому кости грызем?

– Не поверишь, – широко и радостно улыбается мне Марта. – Как раз о тебе говорили...

– О! – удивляюсь я, устраиваясь поудобнее и подставляя крылья свету лун. – И что? И что?

– Говорят, ты мужчин не любишь, – хихикает Ликса, обнимая меня. – Отрываешь им крылья прямо в полёте!

– Вау! – ошарашенно говорю я в ответ. – Таких подробностей я о себе не знала!

Возможность посплетничать, полетать, выпить пару-тройку капель крови выдаётся лишь в ночь двух лун, наступающую примерно два раза в цикл. Именно поэтому она так ценится, давая нам возможность ощутить себя единым народом, как в стародавние времена.

Мы живём, конечно, долго, намного дольше хомо, но и не бесконечно. Я, по меркам сангвиз, очень молода, едва достигнувшая полного совершеннолетия, а зрелось к трём сотням только наступает. Развитие сангвиз неторопливо... Сначала птенец – первые десять циклов, потом ребёнок – ещё циклов сорок, потом малое совершеннолетие – в полста циклов и полное – в сотню. Когда хомо начинают умирать от старости, мы только-только становимся самостоятельными...

Что-то я задумалась обо всем известных вещах, вместо того чтобы радоваться не такой уж и длинной ночи. В эту

ночь даже неуклюжие летательные аппараты хомо не летают. Цивилизация не стоит на месте, даже короткоживущая, и хомо развиваются под нашим присмотром. Наш присмотр необходим не только потому, что хомо – потенциальная еда, но и для того, чтобы они не самоуничтожились, ведь для нас они все – дети. Капризные, шалящие, но дети, даже прошедшие малое совершеннолетие. Поэтому хомо играют в свои игры, а с горы Акатан за ними наблюдает недремлющее око Правителя. Впрочем, никакого возмущения не было уже две жизни, потому что хомо всё устраивает, а мы любим стабильность.

– Эля, Эля! – я вижу сестру по гнезду и устремляюсь к ней. Мы вместе росли, вместе играли, но она решила не бороться, став учётчицей в клане, а я выбрала свой путь.

– Елика, привет! – искренне радуется она мне, устремляясь навстречу.

Да, мы выбрали разные пути, но всё равно близки друг другу. Чему завидовать? У нас такое не принято, нас так воспитывают, отчего нет внутренней грызни, как в древности. Но довольно об этом! Мне о стольком надо Элю расспросить! Я её целых два цикла не видела, просто некогда было – работа же.

– Ну рассказывай, – усевшись на пустынной терраске, я жестом показываю обслуживающему нас хомо на столик, и он понятиво кивает, подавая чаторг – тонизирующий напиток из ягод чатата.

– У меня всё хорошо, – улыбается Эля, отхлёбывая напиток. – Эх, сестрёнка, как я по тебе соскучилась! – признается она. – Лучше ты рассказывай!

– Я сейчас в городе хомо работаю, – послушно начинаю рассказывать я. Сестрёнка смотрит на меня своими лучистыми глазками, поминутно меняющими цвет, что, конечно, завораживает непривычного к этому. – Помогаю с преступлениями, расследую, всё не так скучно, как на патрулировании.

– А ты слышала... – оглянувшись, заговорщицким тоном начинает она. – Вспышки были недавно, говорят, *извне* откуда-то...

Вспышки извне – это распространённая сказка вот уже более двух сотен циклов. Вроде легенды о Пришедшем – о том, что войдёт в наш мир существо из жуткого мира, где мучают и убивают детей, чтобы творить непотребства. Тот факт, что миров существует много, ни для кого не сюрприз, но вот в Пришедших я не верю, это только моя наивная сестрёнка может в такое поверить.

Я поддерживаю её игру, улыбаясь. Всё-таки, ночь у нас нынче такая, сказочная очень. Мы тоже любим сказки, почему нет... А сестрёнка рассказывает различные версии об армии Пришедших, желающих есть детей хомо, выливать из них всю кровь, чтобы нам не досталась. Так себе обоснование, конечно, но для детских страшилок вполне подходящее. Правда, я думала, Элька повзрослела...

Она видит кого-то и совсем по-детски срывается с места,

а я медленно попиваю свой напиток, думая о том, что как-то неожиданно для себя ощущаю взрослость. Вот та же детская страшилка не вызывает у меня никаких эмоций, я просто знаю, что в наш мир не может проникнуть извне почти ничего. На меры веса хомо – килограммов тридцать-сорок максимум, а это вес девушки хомо, прошедшей малое совершеннолетие, а совсем не армии врага, кем бы он ни был. Это абсолютно точная информация, подтверждённая всеми учёными.

История сохранила сам путь доказательства – полторы-две сотни циклов назад у хомо исчез ребёнок. Они сначала долго искали у себя, потом обратились к нам, и мы... Не нашли. Вот тогда уже всполошились все, включая Правителя. Там зашевелились и учёные, которые доказали, что ребёнок провалился вовне. Поэтому потеряться у нас сейчас очень сложно – за детьми тщательно следят. Ну и преступления против детей невозможны: полная утилизация – процесс медленный и не самый простой, ну а психических держат под контролем сами хомо.

С этими мыслями я устремляюсь в зенит, будто желая освободить голову от размышлений. Что меня в историю потянуло-то?

Глава вторая

Ночь уже на исходе, я устала, что вполне логично. Завтра опять стану Охранителем – дамой внимательной, в чём-то суровой и, безусловно, красивой, а сейчас... Последний час мне хочется просто посидеть на террасе, глядя на порозовевшее небо. Дневное светило – Тагунис – готово выкатиться на небосвод, начиная новый день хомо, а мы будем отдыхать, несмотря на то что нам совсем не нужно столько отдыха, но – традиция.

Время подумать о своей жизни. Спутника у меня нет и с такой работой вряд ли будет. Спутники любят быть главными, что в нашей паре ему и не светит. Что для меня важнее – тепло души или оставаться верной себе? Пожалуй, второе... Не потому, что я чего-то не умею как самка вида, а... Зачем жить, если я не смогу себя уважать?

В глубоких размышлениях я не замечаю заинтересовавшегося мной самца из клана целителей, даже в эту ночь одетого в белое, подчёркивающее чистоту помыслов. Целители – самый открытый и самый загадочный клан. Любой может стать целителем, по идее, но вот как это происходит технически, я не знаю. Впрочем, я свой путь выбрала.

– Позволишь? – слышу я, только сейчас заметив его. Выглядящий сильным, ослепительно белый на фоне резко контрастирующих чёрных крыльев, он не может не привлекать

внимания.

– Садись, – киваю я, думая о том, что нужно представить-ся.

– Целитель Алексовандр, – он успевает назваться первым, не указывая при этом клан, как у них, Целителей, принято. – Алекс.

– Охранительница Елиорнавия из клана Сигур, – отвечаю ему, вежливо сложив крылья, и добавляю: – Елика.

Тот факт, что он сразу же называет своё короткое имя, вынуждает и меня к ответному жесту. Но вот суть этого обмена? Целитель Алекс сходу предлагает мне довольно близкие отношения, как минимум дружеские, а как максимум... Нет, не думать, не надо себя тешить пустыми надеждами, но, Санктус, как же он красив, просто дух захватывает! Даже жаль, что не для меня.

– Я знаю, – кивает он мне, улыбаясь как-то очень ласково – не как ребёнку, но всё равно на душе становится теплее.

– Вот как? – делаю я удивлённое лицо, хотя мне всё понятно: кто же не знает Елику-бунтарку?

– Ты хорошо известна, – подтверждает Алекс мои мысли. – Многие наблюдают за твоим путём. Ты надежда многих птенцов.

– Потому что мечтательница? – я думаю, обидеться или пока рано?

– Потому что первая каил³ нового времени, – отвечает он

³ Утренняя маленькая птичка, при перелете птиц занимающая положение пе-

так мягко, что мне совсем не хочется обижаться. – Хочешь чаторга?

– Можно... – я отчего-то смущаюсь.

Хочется ему верить... И страшно одновременно. Вот поверю я ему, раскроюсь, а там окажется всё игрой или чем похуже. Или возьмёт в Спутницы, запретив по праву старшего быть собой. А ведь хочется, чтобы меня любили такой, какая я есть... Но я знаю самцов, поэтому не видать мне счастья...

Но вот сейчас хочется расслабиться и просто на минутку представить... На мгновение представить, что всё это настоящее – ласка в его голосе, доброта, забота, как будто я – его птенец или Спутница. И я улыбаюсь Алексу, ощущая себя как-то совсем необыкновенно, а он не торопится, ухаживая за мной, будто я птенец Правителя.

– Что тебе нравится делать? – интересуется Алекс, заставляя меня тихо вздохнуть. Доселе такие вопросы мне только Старшие задавали.

– Кроме работы? – уточняю я, улыбнувшись в ответ. – Люблю созерцать, манускрипты читать, летать... Как и другие, наверное?

– Не знаю, что любят другие, – покачал он головой, отмечая мою провокацию. – Ты первая...

Есть такая штука у самцов – первая самка. Чаще всего она становится Спутницей, но исключения бывают. Происходит это всегда неожиданно и будто само собой, в школе об этом

коротко упоминают. Но именно это заявление говорит о том, что опыта у Алекса нет, и мне нужно быть внимательной, чтобы не ранить его. Ну и декларация намерений это, конечно. Вот только я не хочу.

От мысли, что я для него всего только самка, пусть первая в его жизни, но самка, а не личность, мне хочется вдруг заплакать. Не говоря ни слова, я срываюсь в небо, навстречу жаркому солнцу, что высушит мои слёзы. Я не хочу, чтобы обо мне судили, как о самке! Я – личность! Личность! Мой удел – не уют и птенцы, а Стража! Я докажу!

Я лечу, роняя злые слёзы, даже не желая смотреть, что делает так обидевший меня Целитель... Я лечу, кажется, желая покинуть атмосферу, но тут вдруг слышу его голос совсем рядом. Он что, последовал за мной? Но так не делают! Я не его Спутница! Почему он поступает так? Почему?

– Никто не посягнёт на твою свободу, – говорит мне ничуть не запыхавшийся Алекс, мерно взмахивая крыльями. – Не заставит сидеть дома, ведь тогда ты потеряешься...

– Что? – ошарашенно переспрашиваю я, замерев в воздухе, отчего приходится быстро-быстро махать крыльями, чтобы погасить инерцию. – Что ты сказал?

– Если ты дашь мне шанс, я не буду посягать на твою свободу, – глядя мне в глаза, произнёс Алекс.

– Но... Почему? – я ошарашена, ведь такого не может быть!

– Потому что это ты, – мягко улыбается он, несколько фа-

миллярно, но лишь на мгновение обняв крылом.

Что?! Разве так бывает?! Я настолько ошарашена, что едва ли не падаю камнем вниз, а Алекс... Как он это вообще сумел сделать? Всегда думала, что подобное только в сказках бывает! Не может быть Выбора с первого взгляда, я в такое просто не поверю никогда. Но ведь он это сказал...

– Ты играешь мной? – серьёзно глядя в глаза целителю, едва удерживая ставшую огромной высоту, спрашиваю я, надеясь только на то, что он не соврёт. Целители не лгут, им запрещено, но когда и кого это останавливало?

– Тобой нельзя играть, – улыбается Алекс, глядя на меня каким-то очень понимающим взглядом. И тут я смущаюсь.

– Мне... Я... Мне надо подумать, – наконец, говорю ему, срываясь в пологое скольжение.

Мне даже не надо оглядываться, я чувствую, что целитель не отстаёт, скользя совсем рядом, будто страхуя меня. Желание поверить настолько велико, что я почти плачу. Я просто растеряна, ведь никто и никогда не говорил мне таких слов, а Алекс... Он даже не говорит о Выборе, он всего только просит дать ему шанс, будто и сам не верит в то, что я приму его. Тут мне вспоминаются слухи обо мне. А вдруг... А вдруг он с кем-то поспорил, чтобы меня обмануть и унижить? Может же такое быть?

И вот, когда я уже готова задать едкий вопрос, мои тренированные глаза Охранителя замечают то ли отблеск, то ли вспышку яркого белого света где-то внизу. Но мы на боль-

шой высоте, значит, отблеск должен быть ярким, как взрыв.

– Ты видел? – задаю я риторический вопрос, уже готовясь к пикированию.

– Я никого, кроме тебя, не вижу, – всё так же ласково отвечает Алекс, но я не слушаю его. Сложив крылья, я камнем падаю туда, где увидела нечто, похожее на взрыв. Ветер свистит, что-то кричит самец, но мне просто надо попасть туда побыстрее, ведь я – Охранительница.

Я даже успеваю подумать, что мне показалось, когда вижу это. Сквозь стволы деревьев леса на территории какой-то стаи морфов, о чём свидетельствуют метки на стволах, виднеется что-то белое. Я бегу туда, даже и не поняв сначала, что вижу, ведь такого просто не может быть. В нашем насквозь формализованном мире, увиденному мной нет места!

На траве лежит девочка хомо, а рядом с ней сидит и что-то говорит ребёнок в возрасте птенца, но тоже хомо. Обе девочки даже не белые, а синие, а ещё – абсолютно голые, нет ни следа одежды. Но вот речь младшей мне непонятна, что необычно, ведь многие языки хомо я знаю. Поэтому я щёлкнула языковым артефактом и чуть не заплакала от услышанного.

– Мамочка... вставай... – просит младшая, речь которой едва понятна. – Придут... бить...

Я совсем не понимаю, о чём говорит ребёнок, и шагаю

к ним.

Лежащая девочка никак не реагирует на меня, а сидящая рядом с ней вдруг начинает дрожать, тихо попискивая. Она падает поверх старшей, будто желая защитить её от меня, и от этого жеста я замираю. Рядом приземляется Алекс, сразу же помянувший Дод. Но почему-то целитель не бежит к лежащим детям, будто боясь нанести вред, а малышка со всё возрастающим ужасом в глазах смотрит на нас.

– Лежащая мертва, – падают в тишину, нарушаемую попискиванием ребёнка, страшные слова. – Младшая сейчас погибнет... Мы не успеем ничего сделать.

– Нет! – выкрикиваю я, буквально прыгнув к малышке, которая в этот момент потеряла сознание. – Нет! Я не позволю!

С мёртвой я ничего сделать не смогу, но дать умереть малышке я не в силах. Я не понимаю, как такое могло произойти, почему я принимаю решение, которое, возможно, перечёркнёт моё будущее, ведь делать птенцами хомо запрещено. Но она умирает! Она умирает! Поэтому я сознательно иду на преступление.

– Елика, нет! – в последнюю минуту догадывается о моих намерениях Алекс. – Не делай этого!

Но уже поздно. Клыками разорвав себе запястье, я пою своей кровью маленького измученного птенца. Пою насильно, желая спасти. И Санктум откликается на моё желание – ребёнок делает глоток, потом ещё и ещё. Да, старшую,

страшно избитую, всю синюю девочку не спасти, но малышка будет жить! Даже если мой статус опустится ниже поломойки, даже если меня утилизируют, она будет жить! И это значит – что-то полезное я в жизни сделала. Теперь и умереть не страшно.

Но вот почему малышка звала старшую мамой? Та не могла быть её мамой даже теоретически, тогда почему? Как это возможно, и что с ними случилось?

– Старшая обескровлена, – произносит Алекс, опустившись на колени рядом с лежащей. – Очень сильно и не раз избита, но умерла она... Её выпили, Елика.

– Как... Выпили? – поражённо переспрашиваю я, усилием воли закрывая свою рану и держа на руках малышку, вступающую в первое Преобразование.

– Так же, как и ту, что ты спасла... – грустно произносит целитель. – В ней почти нет своей крови, поэтому Преобразование для неё пройдёт легко... Но их пили, Елика... Как так? – в его голосе растерянность.

Я понимаю его, ведь такого быть не может. Совсем не может быть, диких сангвиз не существует уже очень много циклов. Кто мог выпить... детей?!

Едва справившись со своими эмоциями, я достаю охранительский артефакт, чтобы запулить в светлеющее небо Путеводную Звезду – призыв о помощи. Сейчас сюда слетят все мои коллеги, даже те, что отдыхают – такой сигнал имеет право подать кто угодно, но предпочитают служебные,

а не такой – экстренный. Потому что, в случае ошибки, летаться будет очень больно. Но сейчас ошибки точно нет.

Я качаю на руках птенца, как-то очень быстро проходящего Преобразование. Девочка теперь абсолютно точно мой птенец. При этом я ощущаю себя странно. У меня нет Спутника, а уже есть птенец, которого я никому никогда не отдам. Вот это-то и странно, ведь я готова на бой ради неё...

Завернув моего птенца в плащ, я качаю его на руках откуда-то взявшимся рефлекторным жестом, при этом глядя на старшую девочку. Она вся синяя от обескровливания, очень худая, рёбра просвечивают, избита так, что живого места нет, но вот лицо её... Откуда-то мне оно знакомо... Откуда? Ни на кого из знакомых она не похожа!

Воздух наполняется шелестом крыльев, что означает – наши близко, а я прижимаю спящего птенца к груди, желая защитить. Странно, наверное, но Алекс поднимается от тела погибшей девочки, становясь рядом со мной в жесте поддержки. Интересно, почему он так себя ведёт, ведь его сейчас могут записать в соучастники? Задать вопрос я не успеваю, потому что на поляну буквально падает Глава. Вот и всё... Закончилась Охранительница Елика...

– Что произошло? – строго спрашивает Глава. – Охранительница? Целитель?

– Я увидела вспышку внизу, – сообщаю ему, покрепче прижав к себе птенца. – И вошла в пикирование.

– Мы были на высоте пять эрс, – комментирует Алекс. –

Вспышка должна быть сильной.

– Принято, – кивает Глава, взглядом отгоняя других желающих приземлиться. – Дальше?

– Я увидела двоих девочек хомо, – Главе не врут, он чувствует неправду. – Одна не шевелилась, вторая её называла мамой.

– Девочки обескровлены, – целитель дополняет мою речь, как будто мы годами работаем вместе. – Старшая погибла до нашего вмешательства, младшей оставались минуты. Охранительница Елиорнавия из клана Сигур спасла жизнь ребёнку хомо, обратив в птенца. Целитель подтверждает правомочность.

Вот тут я чуть не сажусь, где стою. Алекс только что разделил ответственность, подтвердив правильность моих действий как целитель. Захотелось крикнуть: «Дурак! Зачем?!», но у меня внезапно пропали слова. Самец может потерять статус, да и вообще быть утилизированным, у целителей это строго. И он, зная это...

– В таком случае... – Глава смотрит на Алекса, на меня и вздыхает. – Стража подтверждает право Охранительницы на спасение жизни.

Вот теперь я чувствую себя так, как будто небо упало на землю. Я же преступление совершила! Преступление! Но Алекс вступился за меня, а Глава вынес решение просто на месте, чего не бывало никогда! Что происходит?

– Елика, покажешь птенца целителям, – приказывает Гла-

ва. – С сегодняшнего дня ты – глава группы внутренних исследований. Я хочу знать, что случилось с детьми, и увидеть головы виновных!

– Разрешите войти в группу от целителей? – сразу же интересуется Алекс, получая кивок Главы Стражи.

А я просто замираю, потому что уже совсем ничего не понимаю. Такого просто быть не может, но вот же оно! Я, уже прощавшаяся и со службой, да и с жизнью, вдруг прыгнула на две ступени вверх, получила птенца, а Алекс теперь мой подчинённый и не может мне соврать, такова особенность Стражи. Теоретически. Но... Я сплю?

Глава третья

Как-то всё необыкновенно быстро завертелось. Старшую девочку забрали в хранилище тел – исследовать, может, неизвестный хоть какие-то следы оставил, а место, где были дети, оцепила Стража – учёным предстоит работать. Хорошо, хоть на моего птенца никто не покусился.

Растерянно оглянувшись на Алекса, я пытаюсь сообразить, что делать дальше. Наши меня как-то очень бережно отодвинули в сторону, хотя понятно, почему: я – самка с птенцом... С одной стороны, получается, что всё, чего я добилась, ухнуло в никуда, но мне это теперь всё равно – у меня птенец, чуть попискивающий во сне. Снится маленькой что-то страшное, вон как дрожит...

– Позволишь взять тебя на руки? – интересуется Алекс, трансформируясь лишь частично.

Впервые такое вижу, кстати – красивый мужчина в белом и огромные крылья... Насколько я знаю, подобное умеют не все, я, например, не умею. Минуту я уговариваю себя... Ну, о том, что это не чувства, а просто метод транспортировки такой, хотя сердце ёкает и как-то сладко замирает. Вот обману сама себя – и что хорошего будет, когда он просто уйдёт?

– Позволю, – шепчу я совсем не то, что хотела сказать.

Я же намеревалась отказаться, вызвав наш транспорт! По-

чему же тогда согласилась? Зачем? А Алекс очень бережно берёт меня на руки, я и испугаться не успеваю, как он взлетает в воздух. Он летит не быстро, будто защищая меня своим телом... Но я не верю. Я уговариваю себя... Это всё потому, что он транспортирует самку с птенцом, а вовсе не потому, что самка – это я. Ведь я права?

Через некоторое время показывается посадочная площадка клана Целителей, где нас уже ждут. Всё правильно, Глава не только посоветовал, но и предупредил целителей, поэтому все готовы... Интересно, как они будут осматривать птенца, которого я им совершенно точно не отдам? Малышка у меня в руках тоненько пищит, но я прижимаю её к себе, желая защитить от всего на свете, и она, мне кажется, чувствует это даже сквозь свой страшный сон – маленькая тонкая ручка вцепляется в меня.

– Доброе утро, Охранительница, – кивает мне целитель. – Здравствуй, Алекс. Что у вас?

– Обращённый для спасения жизни птенец, – докладывает Алекс, осторожно поддерживая меня за талию. – Крайнее истощение, держится на крови Охранительницы, полное замещение.

– Ничего ж себе... – ошарашенно произносит его коллега, заводя нас в какое-то помещение.

– У нас нет понятия «матери», как у хомо, – с ходу начинает объяснять он мне. – Потому что рождение птенца – это дело клана, но не в твоём случае.

– Почему? – удивляюсь я, уже начав раздражаться от того, что слышу известные вещи.

– Птенец клана имеет признаки клана, – опять пытается целитель объяснить мне то, что и так знаю, вода над птенцом какими-то кристаллами, а я с трудом сдерживаю инстинкт, чтобы не вцепиться в него. – Но в твоём случае у твоего птенца произошло полное замещение крови, и это действительно твой птенец, запечатлённый только на тебя.

– То есть я, получается... – пытаюсь сформулировать, что у меня не очень выходит.

– Ты – первая мать-сангвиза за сотни циклов, – вступает Алекс в разговор. – Тебе будет нелегко, потому что для птенца есть только ты.

Вот тут до меня доходит. Для крохи на свете существую только я, и, если со мной что-то случится, она погибнет. Значит, все мои мечты о самостоятельности... Но птенец важнее, хоть и жаль, что так получилось. Будем считать это расплатой. Несмотря на это, я всё равно буду самостоятельной, буду!

А целитель мрачнеет просто на глазах, он показывает на что-то Алексу, отчего кандидат в Спутники только тихо охает. Хотела бы я знать, что он там увидел, но он не скажет, конечно.

– Птенец очень истощён, – тем не менее говорить начинает именно Алекс. – Она держится только на твоей крови, поэтому её нужно выкармливать не только кровью, но ещё

и питательными веществами, коллега напишет, какими. По-немногу, но часто, потому что иначе она не выдержит.

– Понимаю, – киваю я, начиная осознать, во что вляпалась.

Но выбора не было, если бы я не дала малышке своей крови, она погибла бы. А ещё мне важно узнать, почему малышка звала мамой старшую девочку, и отчего обе были голыми. Кто и почему выпил детей, тоже нужно узнать, но это я узнаю, потому что теперь малышка – мой птенец, а за своего птенца я разберу на составляющие хоть Правителя.

– Имя ей дать не забудь, – хмыкает детский целитель. – Твоя кровь её подлечит, но полностью здоровой она станет только спустя циклы... Тебе Алекс расскажет подробно.

– Дам, – киваю я, чувствуя себя уставшей. Всё-таки очень многое я не учла, совершенно неожиданно для всех перестав быть Младшей, но и Старшей не став. Вот такой парадокс получился.

– Послезавтра жду вас снова, – улыбается мне целитель. – Береги её, Алекс, она у нас особенная.

– Она меня и не подпустит, – вздыхает Алекс, но потом, поблагодарив, ведёт меня к выходу. – Тебе бы остаться у нас на ночь, но ты не согласишься, – он не спрашивал.

– Не соглашусь, – киваю я, глядя птенца.

Девочка то начинает дрожать, то перестаёт, то делает специфические движения, которых я сначала не поняла, но вот сейчас меня озаряет: мой птенец голоден!

– Стой! – останавливает меня Алекс, увидев, что я опять примериваюсь к своей руке. – Ну что ты творишь? – укоризненно говорит он мне, протягивая детскую бутылочку.

– Спасибо, – киваю я, поднося поильник ко рту дочери.

Малышка захватывает губами горлышко поильника и принимается насыщаться, не открывая глаз. Я же глажу своего птенца, понимая, что почему-то ей страшно открыть глаза... Надо будет разобраться, почему.

Теперь она меня понимает даже без артефакта-переводчика. В девочке оказалось так мало своей крови, что моя заменила её безболезненно для ребёнка, принеся с собой и навыки – питания, разговорной речи, понимания матери, ну и полёта, наверное, хотя этого сейчас никто не скажет.

– Разрешешь проводить тебя? – интересуется Алекс, на что я киваю.

Вот ещё странность какая – мы знакомы несколько часов, а я чувствую себя так, как будто мы годы уже вместе. Разве это обычно? Разве так может быть? Мне даже кажется, что я чувствую его, чувствую его мысли, желания, как бывает после Выбора. Но ведь процедуры не было, почему тогда я себя так веду? Может, это какое-то колдовство? Он меня околдовал, чтобы иметь дежурной подстилкой...

Как ни странно, злости нет, я просто не верю в то, о чём думаю. Пока я размышляю, Алекс бережно, как вазу тонкого стекла, берёт меня на руки, осторожно поднимая в расцветающее ярким светом небо. Надо действительно приду-

мать имя птенцу, а то ведь не дело ей безымянной ходить. А ещё... Что будет, если я Алекса приглашу разделить кров на этот день? Останется? Нет? Подумает обо мне что-то нехорошее? Очень хочется пошалить, просто очень!

Я не решилась. Просто не решилась ему предложить. Когда я уже открыла рот, чтобы сказать, забеспокоилась малышка, ну я и отвлеклась.

Нас встречают, кажется, все. Весь клан не спит, встречая меня. С интересом смотрят Младшие, улыбаются Старшие, нет злости в глазах, только любопытство. Почему так, я не понимаю, потому что занимаюсь малышкой, распахнувшей свои глаза – они зелёные, как и у меня. Глубокий такой цвет, яркий, как драгоценный камень. Дочка... Я могу её так называть, как хомо, потому что я – мать. Единственная мать в своём народе. Рождение птенцов у нас – усилие всего клана, поэтому нет фиксированных родителей, можно сказать, что родители – все Старшие клана, но не в моём случае, как и сказал целитель.

Тонкие ручки вцепившейся в меня девочки, испугавшейся чего-то, заставляют меня всё внимание переключить на неё, мягко, ласково уговаривая не бояться. Она-то всё равно будет, я вижу... Что же ты пережила, маленькая? Нет ответа на этот вопрос – ментату её не покажешь, детям нельзя читать в голове, им очень больно от этого. Значит, будем

узнавать постепенно.

– Целитель, – обращается наш Глава к Алексу. – Будьте нашим гостем.

Что? Я ослышалась? Клан приглашает целителя разделить кров – это ещё одна небывальщина. Одно дело, если бы я пригласила, совсем другое – весь клан. Ещё одна небывальщина – Алекс соглашается. Может быть, я придумала себе всё плохое, а на самом деле он хороший? Как это узнать точно?

– Елика, мы позволили себе поставить кровать для птенца в твоих покоях, – негромко говорит мне Старший. – И заменили слугу на двоих самок хомо. Они помогут тебе.

– Благодарю за заботу, Старший, – ошарашенно отвечаю я.

– Более не Старший я для тебя, – удивляет он меня ещё больше. – Называй меня Уле.

– Да, Уле, – привычно подтверждаю я, думая о том, что нужно проверить положение светил – не попадали ли они на поверхность... Что происходит?

– Иди, Елика, я рад, что не ошибся в тебе, – подталкивает он меня. – Клан гордится тобой.

За эти слова ещё вчера я бы визжала и прыгала до потолка. Это высшая похвала, выше просто не существует. По крайней мере, в нашем клане. Но едва только из глубины к моим глазам подступили слёзы, как пискнула малышка. Ах, да, надо детское имя ей дать... Детское имя – оно красивое и ко-

роткое, а взрослое мы получаем после малого совершеннолетия и всегда со смыслом. Я вздыхаю.

– Слушай, клан Сигур! – обращаюсь я к собравшимся ритуальной фразой. Меня не поправляют, не одёргивают, значит, получается, я как Старшая имею право? – Мой птенец, моя... дочь, – я запинаюсь, но Старшие кивают, а девочка раскрывает глаза ещё шире, – отныне носит имя Алье!

– Долгих циклов, Алье! – хором отвечают все Младшие, завершая ритуал имянаречения птенца.

А я опять шокирована – только что, с ходу, безо всякой подготовки, я провела ритуал, отчего у моей малышки есть имя, но никто, совсем никто не возразил, как будто всё именно так и должно быть! Как так?

В раздумьях я иду в свои покои. Новонаречённая Алье молчалива, что не очень обычно, но тоже может быть – я же не знаю, что с ней было. Поэтому просто захожу в свои покои, думая о том, что надо её помыть, но вот как она отреагирует? Я присаживаюсь на диван, понимая, что Алье очень лёгкая, и мои руки совсем не устали. Я усаживаю её себе на колени, обнимаю, прижимая к груди, и принимаюсь гладить, просто гладить по голове, на которой почти нет волос. Вот ещё что – и у старшей девочки, и у дочки почти нет волос на голове... Кому понадобилось остригать их?

– Ты меня убьёшь? – тихо спрашивает меня Алье. У меня на мгновение замирает сердце.

– Я тебя никому не отдам, не позволю, чтобы тебе делали

больно или плохо, – отвечаю я ей как умею ласково, продолжая гладить.

– Значит, ты – мама, – делает логичный вывод ребёнок. – А то прошлую маму убили. Тебя не убьют?

– Меня не убьют, – обещаю я ей, продолжая гладить её и легонько покачивать, отчего дочка успокаивается. – Сейчас мы пойдём мыться, а потом ещё покушаем, согласна?

– Покушаем?! – она очень удивлена, как будто я сказала что-то невозможное.

– Да, – киваю я, продолжая её гладить. – Мы теперь будем часто кушать.

– Значит, я умерла, – вздыхает Алье, которой от силы пять циклов. – И всё случилось, как мама сказала...

Кто бы знал, каких сил мне стоит не начать её разубеждать! Но сейчас важно узнать, что рассказывала та девочка, которую дочка называла мамой. И мой птенец с готовностью рассказывает. Она спокойно, даже пытаюсь улыбаться, рассказывает о том, что нужно потерпеть, и не будет каких-то страшных зверей, а только много детской жидкой еды и хлеба. Дочка явно хочет иначе назвать детскую еду, но не знает слова, как не ведаю и я.

Я несу её в ванную, осторожно выпутывая из плаща, которого она немедленно пугается. Надо будет расспросить, почему, ведь чёрный – обычный цвет формы Стражи, а сейчас нужно заниматься совсем другими делами. Пока наполняется ванна, я ощупываю малышку, она просто болезненно ху-

дая, несмотря даже на мою кровь... Ничего, маленькая, мы справимся, а мама узнает, кто это с тобой сделал, и уничтожит мерзавца!

Санктус, как она сжимается! Я только хотела положить её в воду, а она сжимается, как... У меня даже сравнения такого нет, чтобы описать то, что я вижу. Но в следующее мгновение, почувствовав тепло, Алье явно расслабляется. Она что, считала, что я её в ледяную воду положу? Действительно, звери... Может, морфы? Завтра подумаю, сейчас надо мыть моё чудо.

Бережно вода мочалкой, я сдерживаю слёзы, подступающие от реакции малышки. От каждого прикосновения она сжимается, будто ожидая боли, а я внутренне наливаюсь гневом. Я хочу голову того, кто это сделал! Я точно найду его и, клянусь кровью, смерть его будет непростой!

Вот мы и вымыты. Доченька – кажется, так принято ласково называть своего птенца у хомо – завёрнута в полотенце, вся, полностью, и только мордашка несмело улыбается. И я улыбаюсь ей, задумавшись – сначала одеть, а потом покормить, или сначала покормить? Решаю, что лучше покормлю и, потянувшись за детской бутылочкой, устраиваю птенца подобнее на руках.

– А почему так? – интересуется Алье, удивлённо следя за бутылочкой. – Я же сама могу... наверное.

– А сама ты будешь завтра, – сообщаю я ей. – Если захочешь. Сейчас ты у меня устала, поэтому мама тебя так по-

кормит...

Почему-то я не хочу говорить дочке, что она слаба для того, чтобы самостоятельно питаться, что-то подсознательно останавливает меня. Завтра подумаю, что это может значить, а пока просто покормлю своего птенца и уложу спать. Завтра у нас новый день, кто знает, что он принесёт?

Глава четвёртая

Как-то неожиданно я приняла тот факт, что являюсь матерью, как у хомо. Это, наверное, необычно, но теперь-то уже вариантов нет. Малышка Алье боится спать сама, но ничего не рассказывает, а можно ли её расспрашивать, я не знаю. Я укладываю её в кроватку, но стоит мне отойти, как её глаза становятся такими жалобными, что я просто не могу её оставить.

Как она удивилась пижаме! Однажды я узнаю всё, что с ней случилось, точно узнаю. А сейчас я держу мою Алье на руках, покачивая, как делают хомо.

– А уже можно плакать? – интересуется дочка у меня.

– А зачем Алье плакать? – ласково спрашиваю я.

– Ну, бить не будут? А что такое Алье? – мне от такого вопроса становится нехорошо, но я держу себя в руках, хоть это и непросто.

– Алье – это ты, – объясняю я ей, но дочка на минуту задумывается и выдаёт мне очень важную информацию.

– Я номер... – говорит мне она. – Только не помню, какой, но на мне должно быть написано.

Вот как! Она себя идентифицирует с номером! Что это может значить? Непонятно пока, но я, разумеется, ничего не забываю, а пока нужно просто успокоить ребёнка, потому что сейчас Алье точно будет плакать. Только вот мотива я

понять не могу. Разве можно запретить... плакать?!

– Бить тебя никто и никогда не будет, – мягко произношу я. – А ты теперь Алье, это твоё имя.

– Имя? – она удивляется так, что забывает о своём желании поплакать. – А что это такое?

Мне становится очень холодно от сути её вопроса. Как объяснить ребёнку, что такое «имя»? Я, конечно, начинаю рассказывать о процедурах имянаречения, понимая, что спросила она меня совсем о другом. Теперь плакать хочется уже мне, но нельзя... Мне нельзя плакать, я это точно знаю, понимаю очень хорошо.

– Ты мне дала вместо номера это «имя», правильно? – интересуется сделавший какие-то свои выводы ребёнок.

– Да, доченька, – вырывается у меня, но она реагирует нормально, значит, слово знакомое.

– Значит, ты моя мама, – заключает Алье. – Ты не умрёшь?

– Я не умру, маленькая, – обещаю ей, глядя по голове, что дочке очень нравится.

– Тогда хорошо, – улыбается она, закрывая глаза.

Вот только положить Алье в её кровать у меня не хватает духа. Я беру её на руки и укладываю в свою постель. Вместе поспим, нет в этом ничего страшного, чую я, всё будет не очень просто и ночью. Кто знает, какие демоны полезут из неё во сне? Вот и я не знаю, ощущая глубокую благодарность к Старшим, подумавшим о целителе, а я, дура, только

о себе и думаю. Рано мне в Старшие, ой, рано...

Тяжело вздохнув, укладываюсь рядом со сразу вцепившейся в меня доченькой. Говорят, хомо поют песни своим детям, я же не знаю ни одной, поэтому просто прижимаю её к себе, отчего Алье прикрывает глаза. А я не могу спать, пытаюсь понять и переварить произошедшее. Почему-то именно переварить не получается. Алекс... Почему он ведёт себя так, как будто уже является моим Спутником? Почему я понеслась на вспышку? Что это за дети, и почему мне чем-то знакома мёртвая хомо?

– Нет... нет... нет... Мамочка, не умирай... Не бейте! – скулит Алье сквозь сон, отчего я подпрыгиваю на кровати и сразу беру её на руки, чтобы хоть чуть-чуть подбудить.

Открываются глазки, я даже вздрагиваю – в них какой-то запредельный ужас. Увидев меня, малышка начинает плакать, очень тихо поскуливая, а я прижимаю её к себе, поглаживая, и даже сама не понимаю, что говорю. Санктус, она же совсем кроха! У кого поднялась рука на птенца?! Кто посмел?! Этого же просто не может быть! Всё, что я знаю о мире, сопротивляется тому, что я вижу.

Наконец, Алье закрывает глазки, но только для того, чтобы через полчаса завизжать, что-то отталкивая руками. Я снова бужу её, но в этот раз решаю расспросить.

– Что приснилось маленькой? – тихо спрашиваю я её.

– Собаки... – шепчет Алье. – Огромные! Бегут, кусают! Мамочка...

Морфы?! Это логично, ведь нашли мы детей на территории одной из стай... Но как они посмели?! Я же их за это в фарш третьего сорта превращу вместе с лесом! Я же их... Я не знаю, что с ними сделаю за моего птенца!

С этими мыслями я неожиданно задрёмываю, чтобы опять вскочить спустя совсем небольшое время. Алье смотрит так жалобно, что сразу же получает детскую бутылочку. Видимо, ей действительно нужно было именно поесть, потому что она сразу же засыпает. Детская смесь мягкая, чуть сладковатая, поэтому так нравится детям. Я же придерживаю бутылочку, чтобы маленькая моя не захлебнулась.

Уснуть этой ночью мне не удаётся, да и Алье спит очень плохо, а часов через шесть начинает шевелиться, будто стремясь куда-то бежать. Я с трудом укладываю её в постель, расспрашивая, в чём дело, а потом и помогаю уснуть успокоенной дочке. Вот мне самой совсем не спится. Ибо весь этот день дал мне много жуткой, просто кошмарной информации... И что с ней делать, я просто не знаю. Но доченьке надо спать.

Режим из-за ночи двух лун сбит, конечно, поэтому туда детей и не берут, но дело не в режиме... Алье не может спать, у неё очень страшные кошмары, и я боюсь за неё, а ещё просто жажду узнать, кто виновен в этом. Поэтому, когда она опять просыпается, я решаю прогуляться с ней до целителей или до Алекса хотя бы, может, у них есть снадобье, что поможет малышке поспать.

Оставить её одну даже мысли не возникает, поэтому мы начинаем «утро» с детской бутылочки. Алье очень голодная и кушать хочет постоянно, но постоянно нельзя, нужно понемногу, да она много и не может – наш организм сам регулирует потребности, даже у малышей.

Я надеваю на доченьку красивое платье, внимательно ею осмотренное. Убедившись в том, что платье предназначено именно ей, Алье вопросительно смотрит на меня.

– Что, маленькая? – спрашиваю её, понимая уже, что ответ мне не понравится.

– А где номер? – не обманывает моих ожиданий дочь.

– Какой номер? – в первый момент не понимаю я.

– Тут, – она показывает пальцем, – должен быть номер, а то будет очень больно...

– Больно уже не будет, – пытаюсь убедить я Алье, но вижу, что она мне не верит. Тогда я решаюсь на хитрость. – Мы пойдём к Старшим и узнаем, нужен ли Алье номер, хорошо?

Доченька, подумав, кивает, заставляя меня тяжело вздохнуть. Узнаю, кто это сделал – в порошок сотру, в мелкую дисперсную пыль. Твари...

Алье предпочитает передвигаться у меня на руках. Насколько я вижу, её пугает всё вокруг просто до ужаса, и только у меня на руках птенцу спокойно.

Я выхожу из своих покоев, думая о том, как заказать

транспорт до целителей, и тут вижу Алекса. Целитель идёт мне навстречу, мягко улыбаясь, но меня это слегка раздражает после прошедшей почти без сна ночи. Однако он, кажется, понимает моё настроение, протягивая мне чашку, в которой что-то плещется.

– Выпей, – без приветствия предлагает мне Алекс. – Это тебя взбодрит, а потом расскажешь.

– Благодарю, – нахожу в себе силы ответить, чтобы потом присосаться к чашке. Действительно, бодрит колдовское снадобье, возвращается чёткость мышления.

– Пойдём, присядем, – предлагает он мягким голосом, будто уговаривая ребёнка.

Но вот Алье поворачивает голову, видит белые одежды Алекса и реагирует совсем странно – её глаза расширяются, дочка начинает дрожать, как будто желая заплакать. Отчего она так испугалась? От неожиданности мы оба замираем, а затем Алекс разворачивается и очень быстро уходит. А я просто не понимаю, что произошло, ведь вчера она не пугалась. Или пугалась, но я не поняла?

– Что случилось, малышка? – тихо спрашиваю я её.

– Белое... кровь... заберёт... – едва может ответить она, так её трясёт.

Этого не может быть! Тот, кто с ней сделал такое, был одет в белое?! Целитель?! Не может же такого быть! Или... Меня прошибает холодным потом... А вдруг? Тогда к целителям нам нельзя, потому что они все в белом, Алье может и забо-

леть от такого страха. Что делать?

Возвращается Алекс. Он накинул поверх белого зелёный плащ, увидев который Алье не пугается, а я понимаю – мне нужно в Управление Стражи. Если в деле замешаны целители, то у нас всё очень, очень плохо. Я не знаю, как они могли обойти свою клятву, но если могли, то в опасности все – и птенцы, и Старшие. Особенно птенцы в опасности...

– Алекс, нам нужно в Управление, – сходу сообщаю я, при этом делая жест подойти Старшему клана.

– Елика? – раздражения на лице Старшего нет, он просто подходит, как будто так и надо, хотя права такого у меня ещё вчера не было.

– Старший, не пускайте пока целителей к птенцам, мне нужно разобраться в том, что происходит, – прошу его я.

– Можно проверить клятву, – сообщает мне Алекс. – Я расскажу, как, не надо нервничать.

Если можно проверить, то это очень хорошо, я о таком и не ведала. А целитель спокойно объясняет Старшему, как проверяется активная клятва целителя, не дающая возможности причинить осознанного вреда. И тут мне в голову приходит другая мысль: может ли целитель не считать это вредом? Нужно в Управление!

– Старший, мне нужен транспорт! – обращаюсь я к Старшему, на что он улыбается.

– Твой транспорт ждёт уже часа три, – отвечает он мне. – У тебя теперь личный.

Личный транспорт? У меня? Я почти бегу к выходу, пришедшую в голову идею нужно немедленно проверить. Нужны эксперты, мозгокруты, много кто нужен и очень срочно, потому что, получается, в опасности все мы. И мы, и наши птенцы, и даже хомо. Алекс, закончив объяснения, устремляется за мной, как будто хочет подстраховать. Какое у него поведение странное... Необычное... Санктус, о чём я думаю?! Птенцы в опасности!

Транспорт действительно стоит прямо у входа на трёх парковочных ногах. Раскраска Управления Стражи и специальный символ говорит о том, что свой нынешний статус я сильно недооценила. Впрочем, подумаю об этом потом, а сейчас я плюхаюсь на сиденье, жестом показав рулевому отправляться очень срочно, даже не задумавшись, поймёт ли он меня, ведь эти жесты отработаны на хомо.

Над головой раздаётся скрежет системы оповещения, значит, меня поняли правильно, после чего я оказываюсь вжатой в спинку кресла – транспорт набирает скорость очень лихо, можно сказать, по-военному – резко с места.

Алье прячет лицо в моём форменном платье, как будто не хочет ничего видеть, а я вся напряжена. Если моя догадка хоть как-то верна, придётся выходить на уровень Правителя, не ниже, это общая беда. Даже думать страшно об этом.

– Молодец, – слышу я спокойный голос целителя. – Я тоже об этом подумал и не знаю ответа. С одной стороны, для подобного должно быть полностью сбито воспитание, поня-

тия добра и зла...

– А с другой, мы не можем утверждать абсолютно точно, – продолжаю я за ним. Странно, что он так быстро понял, о чём я думаю, не было же ни Выбора, ни... ни всего остального. Почему тогда?

Я не смотрю на проносящиеся за окном виды, замечая только, что транспорт летит именно к главной пещере Управления, построенной в классическом стиле, а вовсе не к региональному филиалу. Ничего ж себе... Это что такое случилось, что я теперь тут работаю? Неужели те самые сюрпризы, о которых Правитель говорил?

Впрочем, сейчас у меня задача поважнее – нужно срочно проверить мою мысль, очень срочно, поэтому, едва транспорт останавливается, я срываюсь с места, чтобы буквально влететь в здание. Даже не подумав о том, что скажу на пропускном контроле, я оказываюсь внутри.

– Охранительница Елиорнавия из клана Сигур, – слышу я незнакомый голос. – Ваша группа ждёт вас в кабинете «Д» на втором этаже.

– Но... – я, разумеется, знаю, что находится на втором этаже Управления Стражи, но не понимаю, я-то каким боком тут?

– Так сказал Правитель, – охранитель с эмблемой щита на груди выходит из-за колонны. – Прошу следовать за мной.

– Мама, он нас убьёт? – интересуется у меня Алье.

Охранитель чуть ли не подпрыгивает от такого предполо-

жения, а я глажу дочку по голове, прижимая её к себе, и рассказываю о том, что здесь никто ей зла не желает. Мне кажется, весь приёмный зал Управления, замерев, слушает нас. Птенец, думающий, что его могут убить... Есть ли что-нибудь страшнее в мире?

Я иду за охранителем со щитом на одежде. Эта служба – Стража в Страже, самая тайная и загадочная, она может расследовать даже против Правителя. Шансов туда попасть даже у мужчин немного, как же я удостоилась? Совершенно непонятно, но, надеюсь, мне расскажут. Интересно, кто будет моим начальником? Он позволит мне проводить расследование или опять «принеси-подай»?

– Вот ваша группа, Елика, – мягко произносит носитель щита. – Вы можете перетряхивать её, как вам захочется, но здесь действительно лучшие.

– А кто командует? – вырывается у меня.

Я понимаю, что вопрос глупый, сам инструктаж предполагает ответ на него... Я просто сопротивляюсь очевидно-му – тому, что само собой разумеется после всего сказанного... Но как?!

Глава пятая

Глава специальной группы в сто двадцать два цикла... Почти ребёнок, положив руку на сердце, и такой взлёт... Впрочем, сейчас мне не до того, мне нужно точно узнать, что происходит, и найти виновного. Поэтому сразу после того, как меня представили членам группы, я начинаю говорить, глядя поверх голов, чтобы не видеть брезгливости к «выскачке»... Я навидалась многого...

– Охранители, – обращаюсь я к подчинённым, прижимая к себе снова испугавшуюся Алье. – Вчера, как вы знаете, были обнаружены двое детей. Мёртвая хомо и живая, но на последней черте... Алье.

– Мы извещены об этом, – реагирует один из новых подчинённых.

Это опытный сангвиз неопределяемого возраста. Почти против воли я смотрю в его глаза, уже ожидая увидеть пренебрежение во взгляде, но охранитель смотрит на меня доброжелательно, а на моё дитя – с сочувствием, и я просто не знаю, что сказать.

– Елиорнавия... – вздыхает он. – Мы знаем, что это назначение не было вашей идеей, как и то, что вы многого добились самостоятельно. Но сейчас речь идёт совсем не о мужском шовинизме, ваша находка опасна для всего нашего мира, и мы очень хорошо это понимаем. Так что располагайте

нами...

Я оглядываю группу, видя согласие в глазах мужчин. Подавив непрощенный от неожиданного дружелюбия всхлип, я присаживаюсь за свободный стол, выдав детскую бутылочку всхлипнувшей Алье. Птенец хватается за выданное так, как будто у неё отберут, а мужчины отводят взгляд. Они тоже понимают, как это необычно...

– Предлагаю перейти на короткие имена, – вношу я предложение, но ответить возможности не даю, продолжая: – Старшую девочку я откуда-то знаю, но пока не вспомнила, откуда, а Алье... Она истощена, была лишена большей части крови, очень боится чёрного, что необычно, а от одежд целителя испугалась так...

– Подтверждаю, – кивает Алекс, которого тут, по-видимому, все знают. Потом обдумая это совпадение, не до этого сейчас.

– Я понимаю, что у целителей есть клятва, – этой фразой я стираю наметившиеся улыбки. – Но что, если целитель действует во благо? Может такое быть?

– Не зря вас поставили главой, – негромко говорит тот же опытный сангвиз. – Мне бы и в голову не пришло... Меня можно называть Тари.

– Я – Елика, – отвечаю ему. – И Алье ещё говорила об огромных собаках, которые кусают птенцов.

– Вы понимаете, что это значит? – ошарашенно спрашивает другой охранитель. – Это значит, что мы имеем группу...

Охранитель, целитель, морфы... Как такое может быть?

– Я тоже не понимаю, – вздыхаю в ответ. – Поэтому предлагаю разделиться. Кто-то займётся проверкой целителей, кто-то морфами, а Стражу оставим напоследок из-за многочисленности.

– Это хорошая мысль, – кивает Тари. – Тогда... хм... Тир, Борл и я займёмся морфами, остальные – целителями, согласны?

– У меня возражений нет, – мягко улыбаюсь я. – Но как определить, кто из целителей?

– Есть методы, – отвечает мне Тари, неприятно оскалившись. – Глава группы пока примет дела, получит технику, специальные средства, проверит обеспечение, как это и положено главе.

Вот тут он прав – мне многое нужно сделать, а времени совсем нет. Нужно ещё мастеров по трупам спросить, может у них какие-то мысли есть? Хотя бы узнать, насколько быстро и как именно извлекали кровь... Честно говоря, я не разбираюсь в этом, но есть же эксперты?

Впрочем, Тари прав, нужно принимать дела. Насколько я понимаю, это означает – явиться в отдел кадров, затем представиться командиру. А кто мой командир, если группа подчинена Правителю лично? Вот именно... Как это работает на практике, мы сейчас и узнаем. Только вот Алье я не могу оставить, да и она смотрит вокруг уже не такими испуганными глазами, но боится слезать с рук, что доставляет извест-

ные неудобства.

Резко поднявшиеся охранители как-то моментально исчезают из вида, а я, вздохнув, поднимаюсь на ноги. Ещё бы узнать, где именно находится отдел кадров, и форму, наверное, сменить надо... Да и подумать, почему мужчины группы оказались такими необычными – приняли меня сходу, а не начали «ставить на место». Вряд ли в других местах будет так же, но тут-то... Почему? Неужели из-за того, что я – единственная?

– Совсем с рук не слезает? – негромко интересуется кто-то рядом знакомым голосом. Обернувшись, я вижу, что в комнате мы остались втроём – я с Алье и Алекс. Наверное, стоит смириться с тем, что целитель рядом.

– Боится, – вздыхаю я. – Очень боится, только на руках, сам видишь...

– Вижу, – кивает он, вставая. – Пойдём, покажу тебе, где здесь что.

– Откуда ты... – я не заканчиваю фразу, но Алекс понимает.

– Я – штатный целитель «щита», – объясняет он мне, заставив отбросить возникшее подозрение.

Он не может быть замешанным ни в чём, потому что целители «щита» дают другую клятву – со словами «вольно или невольно», поэтому им живётся совсем не сладко – отказать в помощи они не могут – покарает клятва.

Алекс уверенно идёт вперед, я же поспешаю за ним с Алье

на руках. Целитель умён – даже и не предложил помочь с птенцом, значит, понимает, что Алье может быть только в моих руках. Я же размышляю обо всём узнанном, понимая, что у меня концы с концами не сходятся – не может существовать такой группы, о которой говорит Тари. А какая может?

Поднявшись на два этажа выше, мы попадаем в широкий, полный сангвиз коридор, но Алекс не теряется, идёт куда-то вполне целеустремлённо, я двигаюсь за ним, при этом сангвизы останавливаются, чтобы посмотреть нам вслед – я почти физически чувствую их взгляды. Вот он поворачивает к какой-то двери, толкает её и придерживает для меня, а я осторожно захожу внутрь.

Передо мной обычный такой отдел кадров – четыре стола крестом, большая надпись «Кадровый отдел» и фамилии сотрудников. Алекс, впрочем, не позволяет мне долго рассматривать обстановку, состоящую из столов, стульев, и пустой клетки от пола до потолка. Более ничего здесь нет.

– Охранители, – обращается целитель ко всем сразу. – Представляю вам Елиорнавию из клана Сигур, главу группы особых расследований.

– Охр... – кто-то громко удивляется, но запинается, глядя на меня, ну и на птенца, конечно. Почувствовавшая внимание Алье, что-то пискнув, пытается спрятаться, что присутствующих впечатляет до ступора. – Добро пожаловать!

Они улыбаются. Как-то очень по-доброму, без привыч-

ного взгляда сверху вниз, без брезгливости на лице, просто улыбаются, глядя мне прямо в глаза. Что здесь происходит?

Я сижу и пытаюсь разобраться со всем, мне выданным. Особенно со своими полномочиями. Это не региональный охранитель, это разрешение почти на любые действия, абсолютно на любые! Но так не бывает, насколько я знаю. При этом Алекс, к которому я, кажется, начинаю привыкать, ничуть не удивлён. Тоже загадка – почему он рядом? Ведь нас ничего не связывает, совсем ничего!

Я с нетерпением жду результатов работы группы, а пока кормлю Алье. Алекс в это время занимается какими-то своими делами, совсем не мешая мне думать. Доченька моя, поев, улыбается, и я решаюсь ещё немного расспросить её, пока никого нет – может быть, она слышала что-то?

– Скажи, пожалуйста, а туда, где были большие собаки, ты как попала? – интересуюсь я.

– Нас всех на чух-чухе привезли, – отвечает Алье, и я цепляюсь за слово «всех».

– Вас было больше? – продолжаю я расспросы.

– Да, мамочка, – кивает птенец. – Много-много, но нас убивали и всех убили, мы с мамой последние остались, когда убивали.

– Много... – шепчу я, пытаюсь представить масштаб, и не могу. – Они пили вашу кровь?

– Нет... по-моему... – Алье морщит лобик, пытаюсь вспомнить, и вдруг начинает плакать.

Я обнимаю её, пытаюсь успокоить, но в какой-то момент поднимаю взгляд, чтобы увидеть ошарашенного Алекса. Видимо, он услышал откровения Алье и тоже попытался себе представить то, о чём она говорит. Одно дело – один ребёнок или двое, но вот так... Я не могу себе этого представить, просто не могу, и всё. В моем мире такого не может быть!

– Глава, – в кабинет входит незнакомый охранитель, но он ничуть не удивлён, увидев меня с ребёнком. – Результаты от трупных мастеров.

Охранитель кладёт передо мной лист бумаги и сразу же уходит, а я опускаю взгляд на заполненный чётким почерком документ. Сначала я даже не понимаю, о чём там говорится, но затем до меня доходит – это по старшей девочке. Множественные избиения, причём не руками, слитая через сосуды кровь, нет следов укусов, зато имеются следы методов хомо. Могут ли сангвизы использовать методы хомо? Могут, но вот целители – вряд ли. У них свои методы, намного более эффективные. Что это значит?

– За что могли так бить твою маму? – как будто самой себе говорю я, но Алье тут же откликается.

– Она делала камни хлебом и прятала нас, – сообщает мне мой птенец. – Поэтому её били. А ещё, чтобы не сожгли тоже, когда болели.

– Как сожгли? – не понимаю я.

– В печке, – спокойно объясняет мне Алье, отчего мне становится совсем не по себе. Существ, способных сделать такое, надо просто уничтожить! Любой ценой!

Я ещё раз вглядываюсь в фото мёртвого ребёнка, пытаюсь понять, откуда я её знаю. Ведь видела же где-то! Может быть, стоит запросить хомо?

– Алекс, мы можем запросить хомо? – интересуюсь я у целителя, сразу же показавшего мне на кристалл на моём столе.

Мне становится стыдно. Единственное, что меня извиняет – я ещё не привыкла к многообразию всего вокруг меня. Кристалл связи позволяет мне связаться с кем угодно, а щель в столе намекает на передачу изображений и документов. О таком я только слышала, но ни разу не видела, поэтому-то, наверное, и не сообразила.

С помощью Алекса я отправляю изображение хомо, а сама пытаюсь понять, что мне не нравится во всём том, что я уже узнала. Внезапно в голову приходит другая мысль, напоминающая о школе. Нам рассказывали на уроках притчу о первых сангвизах, там было что-то о выпитой полностью крови.

– Алекс, ты не помнишь случайно... – я пытаюсь сформулировать. – Была притча о крови в школе...

– Выпившие более трёх сладких хомо становились зверями... – он, кажется, и сам об этом думает, поэтому откликается моментально. – Ты хочешь сказать...

– Оружие против сангвиз... – шепчу я, прижимая Алье к себе. – Если я права...

– Тогда это хомо, – заключает целитель. – Предлагаю подождать первых результатов, а потом уже паниковать.

С этим предложением нельзя не согласиться, поэтому я просто киваю, думая о том, что и самой надо отдохнуть хоть немного. Но покой мне точно только снится, потому что звучит вызов, при этом кристалл даже не даёт мне ответить. Сухой спокойный голос проговаривает послание и отключается.

– Охранительнице Елиорнавия из клана Сигур, – начинается сообщение, показывая, что оно предназначено мне. – Прибыть в резиденцию Правителя.

Нужно спешить, дважды такие приказы не повторяют, но Алье... Я не могу оставить дочку. Значит, придётся её взять с собой, надеюсь, моя карьера на этом не закончится. Очень хочу вырвать горло виновным в том, что доченька не может спать. И ещё нужно колыбельные у хомо попросить... И много чего сделать...

– Я с тобой, – извещает меня Алекс, снова ставя в тупик. Зачем ему это?

– Хорошо, – киваю я, отправляясь в сторону выхода. Правитель два раза не повторяет, а мои крылья мне дороги. Интересно, что такое «чух-чух»?

Читать фон мышления, отображающий образы, что видит сангвиз в данный момент, можно, у нас целых два специалиста есть, но к птенцам этот метод не применяется, потому что он очень болезненный, а никто добровольно малышу бо-

ли причинять не будет. По крайней мере, у сангвиз... У хомо всё сложнее, они и птенцов своих болью иногда воспитывают... Хомо есть хомо.

Транспорт меня ждёт, поэтому я сажусь внутрь, в этот раз без особой спешки. Рядом усаживается целитель, заставляя меня опять задумываться о том, зачем ему это? Какой смысл, какой толк от того, что он делает, ведь я ему ничего не обещала, да и знакомы мы сутки...

Чувствую накапливающуюся усталость, но бодрящее снадобье можно принимать лишь раз в двадцать часов, поэтому взбадривание мне не светит, надо держать себя в руках, надо дер...

Я, похоже, задремала, потому что прихожу в себя от осторожного касания Алекса. Транспорт стоит у самой резиденции Правителя, а в моих руках спит Алье, чуть попискивая во сне. Теперь надо выбраться так, чтобы её не разбудить... Очень осторожно сдвигаюсь к краешку, а затем вдруг ощущаю себя в воздухе – Алекс, видя мои мучения, просто взял меня на руки и вынул из транспорта. Этот его жест неожиданно смущает и совсем немного возмущает – мог бы и спросить!

– Спасибо, – тихо говорю ему, благодаря за заботу. Главное, что Алье не разбужена, а всё остальное я переживу.

– Пойдём, Елика, – улыбается он.

Как-то он слишком свободно себя ведёт. Вдруг ещё выяснится, что Алекс – внебрачный сын Правителя, вот будет

весело... Не мне, конечно, но посмеёмся всем коллективом, если он у нас будет. На мгновение стало тоскливо – я нигде и никогда «своей» не буду, потому что самка... Знала бы, что так будет, много раз подумала бы... А теперь-то что? Теперь пути назад нет.

Глава шестая

Алекс слишком свободно ориентируется в резиденции Правителя, я это сразу замечаю. Несмотря на то что мне нужно успокаивать забеспокоившуюся Алье, я отлично вижу: ему всё вокруг хорошо знакомо. Что это может значить? Что он хочет от меня? Мне это совсем не нравится, а этот... Просто улыбается и ведёт себя здесь, как хозяин. Правильно я его в свои покои не пригласила, правильно!

Приёмный зал Правителя, виденный мной однажды в артефакте, мы почему-то проходим, хотя двери открыты. Я уже хочу что-то сказать, но Алекс останавливается и показывает мне рукой на совсем другие двери.

– Ты уверен? – спрашиваю его, потому что я-то как раз нет.

– Тебя ждут там, – серьёзно взглянув мне в глаза, отвечает Алекс. – Ничего не бойся, Правитель тебя не съест.

Все-таки какой-то он странный, на мой взгляд, а ещё – незаметный. Будто тень, постоянно рядом. Не понимаю я ни его, ни себя... Почему на душе становится чуть теплее, когда рядом Алекс? Может быть, это просто самообман, потому что я устала от недовольных взглядов, брезгливости – всего того, что сопровождает мою работу, а почувствовав толику тепла, сразу же раскисла? Так дело не пойдёт!

С такими мыслями я вхожу в дверь, обнаружив за нею ра-

бочий кабинет, чем-то похожий на уже виденные мною кабинеты начальства. За столом сидит Правитель, одетый по-домашнему, то есть в синюю рубашку, а какого цвета брюки, мне не видно. Я не знаю, что нужно делать дальше – представляться по форме с ребёнком на руках? Однако всё разрешается само. Правитель, видимо, почувствовав моё присутствие, поднимает взгляд и в следующий момент улыбается, будто встретил хорошего знакомого, а не... меня.

– Здравствуй, Елика, – произносит он своим низким бархатным голосом. – Присаживайся на диван, там птенцу будет удобно.

– Спа-сибо, – надеюсь, мой голос не звучит бляеньем.

Я несколько шокирована, ведь сегодня не ночь двух лун, а Правитель ведёт себя так, как будто мы приятели... Но кто – он, а кто – я? Тем не менее спорить не решаюсь, усаживаясь на мягкий диван. Чуть меняю положение Алье, на что доченька улыбается, но вот что странно – не тянется что-то схватить и поиграть. Она вообще будто и не умеет играть...

– Не пугайся, – вздыхает Правитель, поворачиваясь ко мне. – Это не сон, не таинства какие-нибудь. Получилось так, девочка, что ты стала не только первой... Сейчас ты у нас единственная мать среди сангвиз, обнаружившая нечто настолько нехорошее, что просто не до политесов.

– У нас получается, что это либо целитель, стражник и морф, либо... – я вздыхаю, – хомо.

– Да, я наслышан, – кивает он, переложив какую-то бумагу на столе. – Ты подчиняешься только мне, никто больше тебе приказывать не может. Это понятно?

– Понятно, – киваю я. – А если...

– Никаких «если», – отрезает Правитель. – Не до игр сейчас, можешь арестовать любого, потом разберёмся. Любые ресурсы, Елика, любые люди, но найди мне этих выродков!

Ого, как завертелось-то всё! Неограниченные полномочия – это сказка, так не бывает, но, судя по тому, что Правитель сказал, получается, что он считает... Но почему я? Есть же гораздо более опытные следователи, я – птенец по сравнению с ними. И тут мне кажется, что Правитель читает мысли, хоть боли я не ощущаю.

– Почему ты? – задаёт он вопрос, который я пытаюсь сформулировать. – Всё очень просто, Елика. Ты не отступишь. Даже если это будет кто-то влиятельный, важный или авторитетный. Ради своего птенца ты не позволишь себе остановиться. Именно поэтому.

Он прав, я не отступлю. Ради того, чтобы это не повторилось, ради Алье, я не отступлюсь. Теперь я понимаю, почему расследование доверили мне. Правитель не зря считается непререкаемым авторитетом, он действительно принимает единственно верные решения. И сейчас в его решении нет ничего личного, он просто хочет, чтобы дело было доведено до конца. Почему-то от этой логичности внутри становится холодно, как будто меня обманули. Стараясь ничем не пока-

зять этого ощущения, я улыбаюсь Правителю.

– Благодарю за доверие, – отвечаю ему уставной фразой.

А на душе отчего-то тоскливо, как у обманутого ребёнка. Я не должна так реагировать, не должна! Мне оказали высочайшее доверие, дали неограниченные права, зелёную улицу, обеспечили максимально! Отчего же я так реагирую? Может быть, оттого, что это было сделано не из-за моих качеств, а только потому, что я не остановлюсь?

– Награда тебе понравится, – улыбается Правитель, вот только улыбка его мне кажется сейчас насквозь фальшивой.

Я не помню, как выхожу от него, медленно идя по коридору. Чем закончился разговор, я уже и не помню, скорее всего, уставщиной. Я просто иду по коридору, держа в руках своё дитя, и мне обидно. Вот необъяснимая, иррациональная обида – это, по-моему, странно.

– Всё хорошо? – спрашивает меня Алекс, незримо возникнув сзади.

– Конечно, – стараясь не улыбаться криво, отвечаю ему. – Правитель дал мне неограниченные полномочия.

– Как-то горько это у тебя прозвучало, – замечает он, пристраиваясь рядом. – Что тебя обидело?

– Ничего, – односложно отвечаю ему.

Алье прижимается ко мне, отчего мне кажется, что мой птенец поддерживает маму. Я глажу её по голове, а доченька прикрывает глаза, показывая, что ей нравится. Я же ничего не хочу объяснять Алексу, беря себя в руки. Я умею брать

себя в руки, это далеко не первая нанесённая мне обида.

– Не скажешь, да? – интересуется целитель, на что я молча качаю головой.

– Зачем тебе это, Алекс? – спрашиваю я. – Помочь ты не сможешь, причины для обиды нет, видимо, это просто моя реакция.

– Твоя реакция тоже важна, Елика, – вздыхает он, коротко взглянув мне в глаза, ловя мой взгляд на мгновение. – Даже очень...

– Почему, Алекс? – не выдерживаю я. – Почему ты рядом? Почему носишься со мной? Должна же быть причина!

Ответа я ожидаемо не получаю, но мой всплеск пугает Алье, поэтому, пока идём до транспорта, я успокаиваю мою доченьку. А целитель молчит, будто проигнорировав мои вопросы, хотя в глазах его – я видела – что-то мелькнуло!

Пока едем обратно, я думаю. Мысли мои занимает Алекс – я вспоминаю первую нашу встречу. Странно, прошло не более суток, а событий случилось столько, что мне уже нужно напрягаться, чтобы вспомнить. Но я просто не люблю чего-то не понимать, а целителя я не понимаю. Какой-то он... мутный, что ли? Станный – это точно.

Ночь двух лун... Сначала мне пообещал сюрпризы Правитель, а потом сразу же появился Алекс... Или не сразу? Но, по-моему, он появился сразу или почти сразу, начав ве-

сти себя как-то по-хозяйски. Это, между прочим, раздражает. А что, если его назначили присматривать за мной? Ну, следить, охранять... Недаром же Правитель точно знал ситуацию с делом! Может ли Алекс быть согладатаем?

А что, всё вполне укладывается в логику. Я же самка! Ни на что не годная без самца, так же? Всё, чего я добивалась, всё, чем стала, взять и перечеркнуть! «Играть, деточка», чего же проще? Не накручиваю ли я себя?

Транспорт останавливается у Управления, а я планирую просто подождать и посмотреть, что будет дальше делать Алекс. Интересно, почему я не допускаю мысли о том, что целителю может захотеться меня... выбрать? Тоже ведь непонятно... Просто чувствую, что не вызываю у него таких эмоций... Грустно на самом деле, когда кто-то считает меня не самой умной, но таков удел самок.

– Мама, а можно покушать? – тихо спрашивает Алье, сразу же сжимаясь.

– Тебе всё можно, но немного, – отвечаю я ей, потянувшись за детской бутылочкой. – Не спеши, хорошо?

– Хорошо, – кивает доченька, прижимаясь ко мне.

Я выхожу из транспорта, стараясь не показать Алексу своё настроение, чтобы он не понял, что я догадалась. Пусть играет в свою игру, охранничек! Я не пущу его в свою душу. Лучше остаться одной навсегда, чем пустить к себе недостойного. Тем более, что одна я не останусь, у меня есть Алье. Поэтому – надо выкинуть все мысли из головы и работать.

Я уверенно вхожу в кабинет нашей группы, с удивлением отмечая тех, кто отправился к морфам. Так быстро есть результаты? Тари приветливо улыбается мне, настраивающейся на рабочий лад. Вот тут мне почему-то совсем не хочется думать о том, что его реакция продиктована тем, что я – всего лишь самка.

– С возвращением, Елика, – кивает он мне после взаимных приветствий. – Я вижу, не съел тебя Правитель?

– Дал зелёный путь и неограниченные полномочия, – старательно держа лицо, как можно веселее откликаюсь я. – А что у нас по новостям?

– Что-то такое я предполагал, – кивает Тари, усаживаясь на стул, с которого встал, приветствуя меня. – Морфов допрашивают региональные охранители, но, возможно, ваш птенец может нарисовать или выбрать изображение больших собак?

А это хорошая мысль, даже слишком, на мой взгляд. Внешний вид того, кого она видела, подскажет нам хотя бы стаю... А если и расцветку распознает, которая у морфов семейная, то вообще хорошо будет.

– Алье, – обращаюсь я к дочери. – Ты сможешь нарисовать больших собачек?

– Нарисовать? – удивляется птенец, требуя объяснений, а я крою себя последними словами – откуда бы ей было научиться рисовать?

Обещаю ей объяснить и всё показать попозже, а сама ду-

маю, как бы продвинуться дальше, почему-то забыв об атласе. У Стражи есть атлас, в котором перечислены все стаи морфов, показаны их отличительные признаки, есть возможность колдовского поиска. Я забываю об этом, а Тари, оказывается, уже всё приготовил, заставляя меня испытывать некоторые неудобства.

Он кладёт передо мной коробку атласа, причём далеко не карманный вариант, а я думаю, как начать просматривать так, чтобы не напугать птенца. Вздохнув, нажимаю пальцем в левом нижнем углу, выбирая в меню виды хвостов. Да, я решаю начать с самой нейтральной части собаки, при этом заговорив с доченькой.

– Ты помнишь, какие хвосты были у страшных собак? – интересуюсь я.

– Да, мамочка, – с готовностью кивает птенец, глядя на коробочку.

– Давай попробуем найти такой хвост? – предлагаю я, а Тари в это время, сделав кому-то знак, отсаживается, оставляя нас вдвоём.

Алье с интересом смотрит на разные хвосты, совсем не пугаясь, пока, наконец, не вздрагивает, немного неуверенно показывая пальчиком на хвост, характерный для стаи Ови. Я нажимаю кнопку запоминания и перехожу к лапам, опять ко всем, не начиная с этой стаи. Хвосты могут изменяться со временем, особенно гладкие.

Алье постепенно входит во вкус, начиная уже с интересом

рассматривать предложенное, но вот лапы уверенно идентифицирует совсем иные. Стая Рчар обитает в совершенно иной части нашего мира – на островах Моря Тьмы и сюда попасть не могла совсем никак, разве что научилась создавать лодки, способные выдержать жестокие шторма.

– А теперь Алье покушает, и попробуем ещё поискать, хорошо? – предлагаю я дочери, пытаюсь понять, что это значит – хвост и лапы друг к другу не подходят, это очень разные стаи.

Я выдаю бутылочку, уже привычную для дочери. Алье присасывается к ней, прикрывая глаза... А я всё думаю и не могу понять, как так может быть. При этом, в голове присутствует мысль о том, что стаи могли быть разные, но такого я себе не представляю – стаи не сотрудничают, это непреложный факт. Но тогда как это объяснить?

– А что мы сейчас делать будем? – интересуется Алье, высосав положенную порцию, в которую добавлена кровь, соответствующая нашей по типу.

– Сейчас поищем шкурку похожую, – предлагаю я, подзревая, что шкура, возможно, принадлежит третьей стае.

– Хорошо, мамочка, – кивает Алье, которой явно нравится эта игра.

Я вижу, что Тари напряжён, он, кажется, хочет сейчас прыгнуть к столу, но держит себя в руках. Я поражаюсь его терпеливости. В кабинете стоит полная тишина, коллеги, кажется, даже не дышат, пока я «играю» с Алье. Вот только

все образцы не подходят, птенец только качает головой раз за разом.

– А какого цвета было больше на шкуре? – интересуюсь я, надеясь только на то, что Алье знает названия цветов, но доченька не произносит его, а поднимает голову, оглядывая комнату.

– Вот этого! – обрадованно заявляет птенец, показывая на краешек лежащей на столе папки песочно-жёлтого цвета.

Как так? Это невозможно, таких окрасов нет у морфов! Я вызываю меню ископаемых животных, но Алье не узнаёт ни одного из собачьих. Это ожидаемо, потому что не существует морфов с таким цветом шкуры, я это знаю очень хорошо. Просто не может существовать в нашем мире таких морфов.

Это же что-то значит? Но что? Что может значить виденное птенцом?

Глава седьмая

– Таким образом, эксперты установили, что клятва учитывает в том числе и объективное причинение вреда, а не только субъективное, – разрушил очередную версию охранитель, заставляя меня задуматься.

Получается, целители ни при чём. С другой стороны, кстати, выходит, что Алекс – охранник так себе, то есть ещё одна версия эрке под хвост. Ощущаю себя в полнейшем тупике, в таком же состоянии ухожу на обед – здесь столовая, оказывается, есть. Если бы не Алекс, не узнала бы, но он опять обо мне позаботился. Не могу его понять, в охранники он не годится, а в то, что приставлен ко мне нянькой, почему-то не хочется верить. Одна подобная мысль унижает так, что хочется расплакаться, как в детстве. Поэтому я не думаю об этом, всё равно рано или поздно всё тайное станет явным, и Алекс себя выдаст.

Пока ем и кормлю Алье, думаю о том, что нам известно на данный момент. Стражу перетряхивают специальные охранители, я узнаю только результаты. Целителей уже перетряхнули, удобно, что они все жёстко привязаны к клану, а самозванцев, как у хомо, у сангвиз просто не бывает. Не встречаются сангвизы вне клана даже теоретически. Далее... Нет морфов таких, каких видела Алье, просто не встречаются в природе. Получается... Стоп. Кровь

из старшей девочки слили методами хомо! Значит... Получается, надо искать среди хомо? Так себе новость, честно говоря, у них всё что угодно может быть. Внешне мы различаемся незначительно, но Алье рассказала, что на страшных существ нельзя было смотреть... Хм... Надо в трупную сходить, ещё раз взглянуть на отчёты и посмотреть самой... Что-то же мне покоя не даёт?

Сходить надо, но Алье без меня не может остаться, как она перенесёт подобное посещение? Ещё надо к целителям, снадобье попросить, чтобы птенец мог спать. Кстати, Алекс же есть! Можно же его спросить, так?

– Алекс, – негромко произношу я. – У Алье кошмары очень сильные и страшные, она спать не может, есть ли какое-нибудь снадобье для птенцов?

– Трудно... – задумчиво отвечает он мне. – Я тебе чуть позже отвечу. Насколько я понимаю, везти Алье к целителям – мысль плохая?

– Очень, – киваю я, принимаясь за фруктовый десерт. – Фрукты ей можно?

– Немного, – автоматически отвечает глубоко задумавшийся целитель.

Я понимаю его, ведь снадобья подобного типа нужны очень редко, а для птенцов вообще непредставимы, ибо бережём мы малышей, кажется, от всего. Никто не рассчитывал, что может случиться именно такая ситуация, поэтому целителя я сильно озадачила. Но Алье почти не может спать,

очень уж страшные у неё сны... Ну и я тоже не сплю, конечно, что нехорошо для нас обоих.

– Давай попробуем этот кусочек? – наколов на вилку мякоть фрукта, я даю его заулыбавшейся Алье. – Нравится?

– Очень! – признаётся доченька, начиная жалобно смотреть на меня. Что это значит, я понимаю – она ещё хочет, но попросить боится. Рефлекторные реакции пропадут не сразу, тут уже ничего не поделаешь.

Докормив Алье, я поднимаюсь на ноги, чтобы отправиться обратно. Надо распланировать задачи и подумать, не может ли кто-то управлять хомо в данном случае. Всё-таки, детская кровь обладает пьянящими свойствами, поэтому можно ожидать подпольную организацию. Это тоже маловероятно, но вполне, к сожалению, возможно.

Мы идём в сторону кабинета, при этом я нахожусь в глубоких размышлениях. Если предположить, что детей мучили хомо, то они куда-то должны были девать кровь. На большие объёмы сбегутся морфы, да и Стража учует, значит, должен быть сообщник из сангвиз. Или же... Где может не быть Стражи? Насколько я знаю, Стража есть везде, значит, получается, только сообщник. Вроде бы всё логично.

Алье засыпает у меня на руках, я глажу её, дойдя до кабинета. Коллеги-охранители отсутствуют, поэтому есть возможность подумать.

Допустим я права, но как среди тысяч хомо найти тех, кто замучил детей? Существуют ли какие-либо тайные знания,

или же нужно опираться на Стражу хомо? Тогда у нас сразу же проблема, потому что у них Стража работает не всегда честно, что хорошо известно, но... Раньше меня это не волновало, а вот теперь получается, что нужно и поволноваться.

– О чём задумалась, Елика? – Тари появляется внезапно, но я не пугаюсь – у меня птенец на руках спит.

– У меня получается, что нужно искать на стороне хомо, – негромко, чтобы не разбудить мою утомлённую дочку, объясняю я. – Но тогда должен быть сангвиз-сообщник... или организатор.

– Можешь объяснить? – он явно заинтересовался моими выводами, насколько я вижу, вполне искренне.

– Кровь добывали методами хомо, – послушно начинаю я объяснять, добавляя информацию о морфах, целителях, да и вообще о ситуации с сангвизами. – Вот поэтому получается, что искать нужно на стороне хомо, только они могли бы...

– Логично, – кивает Тари, улыбнувшись. – Сангвизы слишком привязаны к клану, и там, где один, были бы как минимум Старшие клана, поэтому ты права. Но ни у кого из нас нет достаточно опыта работы с хомо. Насколько мне известно, за последние сто лет ты была единственной, кого продержали в такой ссылке целых десять лет.

– А мне казалось... – я запнулась, потому что Тари только что разрушил мой мир.

Одной фразой охранитель показал мне истинную цену того, что я добилась своим бунтом. Меня просто убрали по-

дальше, чтобы не болталась под ногами, и наблюдали со стороны, как за... как за зверюшкой в зоопарке. Эдакий импровизированный театр для всех сангвиз – «Смотрите, она пошла против устоев и считает, что чего-то добилась». С трудом удержав выражение спокойствия на лице, я только сжала зубы. Ну и пусть, зато у меня есть Алье!

Но, Санктус, как же обидно...

Я справлюсь с собой, я смогу. Пусть наблюдают, пусть скалятся, пусть! Я использовала своё право быть свободной, и даже если у меня никогда не будет Спутника, достойного меня, я всё равно буду счастливой, потому что мне есть ради кого жить. Ради кого сражаться с окружающим миром. Алье, совсем маленькая девочка, птенец, пережила такое, что многие бы просто с ума сошли, а она пережила, показав мне, что такое настоящая сила. И поэтому я не отступлюсь, никогда!

Да, Тари и сам не понял, что сказал, насколько осознавать свою работу почти ненужной оказалось больно и унижительно до слёз. Но ещё он мне показал, как правильно оценивать лицемерные, лживые слова и Правителя, и Алекса. Когда всё закончится, меня снова закинут куда-нибудь подальше, чтобы глаза не мозолила. Самцы! Нет, не мужчины, именно самцы!

Уже вечер, поэтому, распрощавшись с группой, я отправляюсь обратно. Немного грустно на душе и противно ещё,

но я сильная, я справлюсь. Алье уже с интересом смотрит по сторонам, но слезать с меня категорически отказывается. Нет, она не кричит, не плачет, но смотрит так, что у меня просто не хватает сил отказать. Именно поэтому Алье ездит на своей маме.

Усевшись в транспорт, я всё ещё погружена в свои думы, отчего и не замечаю, наверное, Алекса, очень мягко попадающего туда же. Вот только что его не было, но в следующее мгновение он сидит напротив меня – как это у него получается? Впрочем, настроение у меня сейчас такое, что меня это явление почти не трогает. Разрушенные иллюзии, конечно, болезненны, но теперь я хотя бы знаю, что обо мне на самом деле думают самцы.

– Вот снадобье, – протягивает мне небольшой пузырьёк Алекс. – Детские целители гарантию дают часов на восемь сна без кошмаров.

– Спасибо, – киваю я ему, взяв свободной рукой подарок. Алье хотя бы поспит...

Забыть не могу, как она во время обеда реагировала... На столе стояло несколько блюд, что стандартно, но дочка испугалась, а вот чего, объяснить не смогла. Странно на самом деле, но тут ничего не поделаешь, в голову ей не залезешь. Транспорт движется к клановому комплексу, а мне просто грустно. Я поглаживаю доченьку и вспоминаю.

Мой подростковый бунт вызвал логичную реакцию Старших, поэтому я плакала, кажется, циклов десять. Но потом,

конечно, взяла себя в руки и решила всем доказать. Ещё вчера я считала, что доказала... Как нелепо это звучит сейчас. Впрочем, пусть. Пусть они считают, как хотят. Это моя жизнь и мой путь. Даже клоуны кому-то нужны, вот и я... Плакать хочется, но нельзя.

– Хорошего вечера, – желаю я Алексу, покидая транспорт. Я чувствую его взгляд, как острой палкой втыкающийся мне между лопаток, но не обернусь. Не буду поворачиваться, смотреть в эти бесстыжие глаза самца, не буду пытаться угадать их выражение, не буду! Пусть живёт, как хочет, и делает, что хочет, а я устала. Хочется отдохнуть подальше от сангвиз, от хомо, морфов, ото всех. Чтобы просто жить, и никого не было вокруг. Но это, к сожалению, невозможно. Неприятное ощущение, просто противное...

Я иду в свои покои, чтобы искупать и переодеть Алье, ну и самой помыться, конечно, а затем надо будет покормить моего птенца и дать снадобье. Может быть, Алье сможет поспать, да и я вместе с ней.

– Сейчас мы помоем мою хорошую, – ласково обращаюсь я к дочке, улыбающейся мне навстречу.

Я мою Алье, затем принимаю быстрый душ сама, пока она лежит в ванной. Руки мои скользят по подтянутому телу, которого не касались руки самцов, а я впервые задумываюсь о том, что будет дальше. Спутник – зачастую физиологическая потребность, завязанная на получении результата, но вот результат у меня уже есть, нужен ли мне теперь Спут-

ник? Найдётся ли кто-нибудь, кто сможет разделить со мной мои мечты и желания, кто полюбит Алье? Я не знаю ответа на этот вопрос и сейчас не хочу его знать.

Вымытая доченька улыбается мне из пушистого полотенца, я же глажу ее, выдавая детскую бутылочку. Сейчас она у меня покушает, а потом мы будем укладываться спать. Снадобье от целителей поможет Алье крепко уснуть, а я буду сторожить её и думать. Мне кажется, разгадка где-то на стороне хомо, при этом не обязательно они были виноваты. Но что-то с ними связанное точно есть...

– Покушала? – интересуюсь я.

– Да, мамочка, – кивает мне Алье, не стремясь, правда, задать тысячу и один вопрос, что для птенцов не очень обычно.

– Тогда мы выпьем это снадобье, – я выливаю порцию в колпачок. – И сладко поспим. Нужно выпить, Алье, это средство против страшных снов...

– Хорошо, мама, – соглашается доченька, не испытывая ни тени сомнения в моей правоте, а я, уже настроившись на долгие уговоры, замираю на мгновение. Это очень необычно – такое доверие, такая уверенность в маминой правоте...

Алье медленно засыпает, глядя на меня своими волшебными глазами, ставшими такими же, как и у мамы, то есть, у меня, а я глажу её, опасаясь того, что снадобье не поможет. Вот проходит полчаса, но доченька по-прежнему сладко спит, что позволяет мне достать блокнот, чтобы подумать

более предметно обо всём произошедшем.

Едва слышно попискивает ребёнок – не справляется, значит, снадобье, но под моей рукой дочь расслабляется. А я смотрю в блокнот, пытаюсь понять, что мне это всё напоминает.

Что мы имеем? Старшая девочка, спасти которую не удалось бы даже теоретически, к моменту обнаружения была мертва минут пятнадцать, что ставит крест на обращении. Что с ней не так? Внимательно читаю свои записи и вдруг соображаю: колдуны пространства не смотрели тело, может, можно определить, откуда был перенос, а перенос был, потому что... Я листаю страницы.

Вот! Нет никаких следов вокруг детей, как будто они возникли из воздуха. Ну, кроме моих и Алекса, конечно. На мгновение появляется подозрение, но в следующую минуту я понимаю глупость этого предположения – целитель. Значит, был перенос, но откуда? Надо завтра уточнить с пространственниками, может, след сохранился...

Дальше, сангвиз мы исключили, упершись в хомо, на мой запрос не отреагировавших, что не очень нормально. А вдруг... Вдруг это заговор хомо? Тогда соваться к ним представителем в одну мою персону просто опасно. Значит, надо будет взять охрану, только и всего. Охрана нам, по идее, положена, значит, этот вопрос можно отложить. Что у нас дальше?

Алекс. Самый непонятный персонаж, я бы сказала. Что я

о нём знаю? Целитель, отлично ориентирующийся в Управлении Стражи, да и в резиденции Правителя тоже. Насколько это обычно? Не думаю, что слишком, да и появился он сразу же после Правителя, как будто знал... Хорошо, кем он может быть? Охранником? Целитель? Не смешно. Соглядатаем? Вполне. Самцом, приставленным, чтобы остановить явную, по его мнению, глупость? Тоже вполне. Вывод? Верить ему нельзя, по крайней мере, пока не проясню эти вопросы.

Решила, значит. Я уже привыкла к тому, что Старшие молчаливо поддерживают, а так опоры нет. Не к кому прийти, расслабиться – и пусть все проблемы станут не моими, как у хомо бывает. Помню, слушала рассказы их охранителей и остро, совсем по-детски завидовала... Но теперь у меня есть Алье, а у неё всегда будет мама, она больше никогда не будет одна, как была я.

Глава восьмая

Алье просыпается сама, не проспав и восьми часов, очень голодная, поэтому я ей сразу бутылочку даю. Доченька уже привыкла к ней, поэтому послушно ест, а я, уже позавтракав прямо в покоех, составляю план на сегодня. Нужно отправиться к хомо, но сначала заехать к трупникам... Или просто распорядиться привлечь пространственников? У меня есть такое право? Не попробую – не узнаю.

Дальше... Дальше нужна охрана, чтобы отправиться к хомо. Бережённого и Санктус бережёт, а у меня птенец. И там уже по обстановке, потому что с чего-то начинать надо. Алекса рядом терпеть буду, что поделаешь. Если он со мной по воле Правителя, то выбора у меня нет. Противно, но капризничать, как дитя, не буду, хотя они, наверное, этого от меня ждут. Однако не буду всё равно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.